

К истокам государства Израиль

Историк и бывший посол Израиля во Франции Эли Барнави в книге 1995 года “История Израиля” пишет, что современный европейский антисемитизм – основной рычаг в формировании сионистского движения – проявился во второй половине XIX века, когда «национализм» перестал быть «либеральной силой» и перешёл «на консервативные и реакционные резервные позиции»; он больше не являлся «силой революционной» и эмансипационной, как это было в случае иудаизма во времена Великой французской революции. «Мишле» уступили место «Гобино и Чемберленам», теоретикам расизма, из работ которых появились также концепции «биологического антисемитизма».

Всё это нашло наиболее яркое выражение в нацистской идеологии, породив массовое уничтожение индустриальными методами населения иудейской конфессии во время второй мировой войны. Шесть миллионов евреев – жертв нацизма и союзных ему режимов – представляют порядка 10 % совокупных жертв конфликта.

Множество сионистских течений

Если перефразировать Барнави в марксистских терминах, то он пишет, что реакционный характер буржуазного национализма приходится на фазу империалистической зрелости. Сионизм как политическое движение был разработан в теоретических трудах и практической деятельности Теодора Герцля (1860–1904), а в 1897 году прошёл первый всемирный конгресс в Базеле, однако Барнави считает, что корни сионизма восходят к 1848–1849 годам и поэтому имеют светскую форму. Тем не менее в еврейских общинах в Восточной Европе, на Среднем Востоке и в Северной Африке проявлялись религиозные устремления о «возвращении на Сион», то есть в Палестину.

Как свидетельствует историография, Герцль считал, что необходимость создания «еврейского государства» была продиктована «оборонительной» потребностью: предоставить убежище и защиту перед лицом новой вспышки «еврейского вопроса», сочетавшейся с антисемитскими измышлениями, подбираемыми массовыми политическими движениями. По мнению Герцля, перспектива «ассимиляции» еврейской диаспоры внутри отдельных европейских национальных государств была обречена на провал. Барнави называет это «запоздалым национализмом», который отражался и в других национальных устремлениях тех лет со своими религиозными особенностями внутри Австро-Венгерской и Российской империй. Сионистское движение опиралось на массовую базу эмиграции из царистской империи, в которой с 1881-го по 1914 год регулярно происходили всплески антисемитского насилия; этот компонент станет крупнейшим в общей картине эмиграции в Палестину и создания государства Израиль. Обосновываясь в Палестине, с 1881 года и далее он столкнётся с зарождающимся внутри Османской империи арабским национализмом, служа в некоторой мере его катализатором.

По ходу своей эволюции сионизм будет переживать диалектику между своими политическими центрами – изначально в Вене, а затем в Берлине и Лондоне и постепенно в Палестине. Как минимум до 1930-х годов его основная массовая база будет представлена эмиграцией из Восточной Европы, которая приведёт Герцля от либеральной светской точки зрения к «национальному социализму», согласно формуле историка Зеэва Штернхеля: он будет пропагандировать идеологию государства Израиль и его «государственного капитализма» (“Aux origines d’Israël: Entre nationalisme et socialisme”, 1996).

С 1925 года, особенно в Польше, разовьётся правое сионистское движение, национал-либеральное, но с особенной симпатией к авторитарному правлению Кемалья Ататюрка, ирландскому национализму, гарибальдизму, а также к итальянскому фашизму и авторитарному режиму в Польше 1919–1939 годов. У него имелось два крупных конкурента: еврейское рабочее движение “Бунд”, стоящее на интернационалистических позициях и критиковавшее сионизм, в том числе левый, за его характер «националистического и мелкобуржуазного течения», разделяющего пролетариат; и ортодоксальный религиозный антисионизм, с точки зрения которого, «возвращение на Сион» было бы знаком божьей воли и возвращения мессии еврейской традиции (Marzano A., “Storia des sionismi”, 2017). “Бунд” падёт жертвой сталинизма и нацизма; что касается религиозного антисионизма, он ещё будет присутствовать в некоторых ортодоксальных компонентах (харедим) в Израиле и в

диаспоре. Сионистская правая и левая и национал-религиозные партии станут столпами в израильской политике после 1947 года.

“Столетняя война”

Чтобы понять моральный фактор государства Израиль, необходимо принять во внимание процесс его образования, на который оказывали влияния не только тысячелетнее религиозное преследование, царистские погромы, европейский антисемитизм конца XIX века, антисемитские преследования на Украине во время гражданской войны в России с 1918 по 1921 год, организованное нацистами истребление и преследования при сталинизме, но и массовое выселение из арабских стран после 1948 года и иммиграция в 1990-е годы после падения СССР.

Что касается международных отношений, рождение еврейского государства комбинируется с *«восточным вопросом»*: упадок Османской империи с 1856-го (конец Крымской войны) до 1922 года, установление британского мандата над Палестиной в результате первой мировой империалистической войны. Так называемая *«столетняя война»* (арабо-израильский конфликт) происходит в основном из противостояния держав в регионе, сначала колониальных за раздел Османской империи и впоследствии между двумя сверхдержавами США и СССР, а также колониальными империями в упадке; она влияет в том числе на формирование национальных государств, в том числе самого Израиля (Pappé I., “Storia della Palestina moderna”, 2014).

Рождение еврейского государства, как подчёркивают Барнави и Витторио Дан Сегре, произошло одновременно с деколонизацией и, следовательно, формированием множества арабских государств, но также таких стран, как Индия, Индонезия, Пакистан. Для этого будут задействованы как военные, так и дипломатические средства в борьбе против британской державы и в палестинской гражданской войне 1947–1949 годов. По мнению Дан Сегре, первые четыре арабо-израильских конфликта (1947–1948, 1956, 1967, 1973) можно считать *«созидательными войнами»*, поскольку они способствовали внутренней консолидации еврейского государства и его соперников. Они породили даже *«второй сионизм»* – палестинский национализм, который на сегодняшний день является главным проигравшим (“Le metamorfosi di Israele”, 2006).

Этот переплетающийся процесс породил как неразрывный узел противоречий, так и – по мере капиталистического развития в регионе – современный пролетариат. Только он, объединённый классовой и интернационалистической позицией, смог бы прервать цикл национальных, этнических и конфессиональных конфликтов, постоянно раздуваемых местной и международной буржуазией.

Три пути сионизма: дипломатический, практический, синтетический

По типу действия сионизм с конца XIX века и до 1947 года можно разделить на *«дипломатический»* и *«практический»*. Первый вариант, воплощённый в фигурах Герцля и Хаиме Вейцмане, подданных Вены и Лондона соответственно, предлагал создание еврейского государства в результате консенсуса великих держав и под их защитой. Герцль прощупывал готовность гогенцоллерновской Германии, Османской империи, Ватикана и Лондона оказать дипломатическую поддержку созданию государства евреев. В комбинации с тем, что можно определить как *«филантропический сионизм»*, выраженный в крупной еврейской финансовой буржуазии, он рассматривал возможность найти для него место в Аргентине или даже в Кении, в границах Британской империи. Филантропический сионизм уже с 1881 года финансировал создание еврейских сельскохозяйственных колоний *мошавот* в Палестине. Герцль не исключал возможности обосноваться даже на Кипре. Он оказался в меньшинстве перед лицом русских сионистских течений, навязавших вариант с расселением в Палестине. Эти течения, возглавляемые, в частности, Давидом Бен-Гурионом и его соперником Зеевом Жаботинским, основателем *ревизионистского* течения, воплощали так называемый *«практический сионизм»* – идею обосноваться на территории древних еврейских монархий посредством массовой эмиграции.

Герцль, *«гениальный публицист»* и умелый оратор, пишет Барнави, создал символы для будущего государства Израиль, начиная с флага, *«восстанавливая тысячелетнюю историко-религиозную культуру»*, которая объединяла общины еврейской диаспоры и

делала их народом. Он был сыном Миттельевропы, рождённый в Будапеште и завсегда *«салон вейского либерализма»* конца XIX века, как добавляет Мишель Абитбол, именитый востоковед и доцент еврейского университета в Иерусалиме. Будучи политическим корреспондентом венской газеты *Neue Freie Presse*, Герцль посетил Париж, где наблюдал возникновение нового *«политико-социального феномена»* – *«аморфной и неконтролируемой толпы симпатизантов новых массовых партий»*, часто приводимой в движение демагогами, среди которых во Франции можно было встретить антисемита Эдуара Дрюмона (*“Histoire d’Israël”*, 2024).

Практические сионисты, продолжает Абитбол, составят большинство во время второй *алии* (*«восхождение»* на еврейском): 35–40 тыс. мигрантов, направившихся в Палестину с 1903 по 1914 год (из порядка 2 млн евреев, эмигрировавших из Российской империи – большая часть из них осела в Западной Европе и на американском континенте), среди них *«значительное число»* составляли *япончики* – *«дезертиры русской армии во время конфликта с Японией»*. Это была городская молодёжь, ремесленники и бедные работники, движимые желанием осуществить *«синтез их приверженности социалистической революции и преданности сионистскому идеалу»*. Их характеризовал романтический национализм и презрение к *«буржуазному духу» мошавот*, которые развились как капиталистические предприятия, широко использующие арабскую рабочую силу по образцу французской колониальной экономики в Алжире.

Дипломатический сионизм, как говорилось выше, делал ставку на развитие отношений с великими европейскими державами того времени, учитывая, что в концепции Герцля еврейское государство могло бы существовать только в условиях *«международной гарантии»*, предоставленной концертом держав, как ранее практиковалось для множества христианских меньшинств, входивших в мозаику Османской империи. Помимо обещания капиталов Блистательной Порте предлагался инструмент для модернизации империи. Палестинская знать – арабская, католическая и православная – была готова продавать землю еврейским поселенцам, но в то же время наряду с османской бюрократией рассматривала это как вектор проникновения и вмешательства европейцев. Как в Берлине, так затем и в Лондоне, Герцль представлял расселение евреев как *«европейский аванпост»* в Леванте. Берлин больше был заинтересован в отношениях с турецкой империей и собственной проекции в Персидском заливе, поэтому отклонил предложение. Лондон, присутствующий в Египте и имеющий нефтяные интересы в Иране, проявил больший интерес.

Хаим Вейцман, будущий президент Израиля, натурализованный британский подданный, стал выражением нового сионистского руководства диаспорой. И в 1914–1917 годы реализовал цель Герцля получить британскую поддержку, сделав возможным *«синтез»* дипломатической и практической линий.

Апрель 2024 г.